

М. В. Бернацкий.

Б. П. Кадомцев

ПРОФЕССОР МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕРНАЦКИЙ

Михаил Владимирович принадлежал к той категории профессоров, лекторский талант которых и живое изложение преподаваемого ими предмета привлекают к себе многочисленную аудиторию. Несмотря на известную отвлеченность теории денежного обращения Михаил Владимирович умел так увлекательно ее излагать, что его лекции слушались с неослабевающим вниманием и привлекали многочисленную аудиторию.

На долю Михаила Владимировича выпал весьма трудный предмет преподавания. Теория денежного обращения была мало известна в России, она преподавалась в университетах как часть общей теории экономической науки. На русском языке было мало ученых трудов по этому вопросу (наиболее интересны были книги профессоров Бунге, Вагнера, Антоновича и Мигулина). Граф Витте откровенно написал в своих «Воспоминаниях», что когда он по предписанию Императора Александра III занялся реформой денежного обращения в России, то « в то время в России за исключением нескольких человек никто этого вопроса не понимал». Проф. Бунге предупреждал: «Сергей Юльевич, вам будет очень трудно проводить эту реформу, потому что в финансовом Комитете нет ни одного человека, который бы это дело знал». Для ознакомления общественного мнения с проблемами денежного обращения Витте приказал опубликовать переводы на русский язык нескольких иностранных книг по этому вопросу.

Конечно, со времени проведения денежной реформы Витте, до основания кафедры денежного обращения в Политехническом Институте прошло несколько лет, но научных русских трудов по этой отрасли науки мало прибавилось. Нужно сказать, что и за границей научная теория денежного обращения была довольно слабо разработана и находилась под сильным влиянием старой классической школы политической экономии.

Выбор М. В. в качестве лектора по этой мало разработанной научной дисциплине был сделан не случайно. По окончании Киевского Университета М. В. был оставлен при кафедре политической экономии и командирован за границу для дальнейшего изучения этого предмета. По возвращении из Германии он был назначен приват-доцентом и вслед за тем был вновь командирован за границу для подготовки к кафедре денежного обращения в нашем Институте.

Репутация блестящего лектора распространилась по всему Петербургу и М. В. был приглашен читать лекции по политической экономии в Технологическом Институте и на курсах Побединского. В нашем Институте он читал лекции по политической экономии для студентов всех четырех технических отделений.

По семейным обстоятельствам я жил на частной квартире в Сосновке, недалеко от дачи, которую занимала семья М. В. Это близкое соседство сблизило меня не только с М. В., но и со всеми членами его семьи.

Нужно сказать, что жизнь не легко далась М. В. Еще гимназистом он должен был содержать уроками себя и свою мать, оставшуюся без средств после смерти мужа. Жалование приват-доцента Политехнического Института было очень скромное и поэтому М. В. принужден был читать лекции в других высших учебных заведениях, а также сотрудничать в газетах. Такая лекторская работа отвлекала М. В. от чисто научных занятий, что сильно тяготило и мучило бедного М. В. Однако жена его, Ольга Владимировна (из славного рода Гамалеев), была хорошей подругой жизни и

экономной хозяйкой и окружила его теплым уютom счастливой семейной жизни.

Началось смутное время русской истории. Русско-японская война, выступление Гапона, а затем студенческие забастовки и всеобщая октябрьская забастовка — все это многим казалось началом новой исторической эры. Большинство профессоров и студентов, воспитанные на либерально-романтических идеях начала XIX века, приветствовали эти события, как обновление всего старого государственного строя России. На студенческих сходках, на разных общественных собраниях и митингах обсуждались все животрепещущие вопросы политической жизни. Неудивительно, что М. В. не оставил в покое и привлекали его к этой политической работе.

О М. В. сложилась репутация левого политического человека, близкого к социал-демократам. Но он никогда не состоял членом этой партии и резко осуждал большевиков. Также вряд ли правильно было мнение о нем, как о каком-то ортодоксальном марксисте. И тогда, в период молодости, и позднее — М. В. не являлся большим поклонником марксизма, особенно политической доктрины последнего. Теория и практика ожесточенной классовой борьбы, насильственных кровавых переворотов, интернациональный характер всего учения марксизма были неприемлемы мягкой, незлобивой и сердечной натуре М. В. Желая больших реформ социально-политического и экономического строя России, М. В. был против всех революционных авантур в этой области. Демагогия социал-революционеров и политическое сектанство социал-демократов отталкивали его от этих партий.

В 1910 г. я уехал на работу за границу и поэтому мои встречи с М. В. были случайные в период моих кратких поездок России до самой большевистской революции.

Летом 1917 г. я приехал в Петроград и тогда несколько раз виделся с М. В. Позволю здесь заметить, что проездом через Японию и затем по Сибирской ж. д. я встретил всю ту лохматую и грязную толпу революционеров-эмигрантов,

которые за казенный счет направлялись в Петербург и заранее распределяли между собою разного рода административно-политические должности. Издалека мне Февральская революция представлялась совершенно другою и эта волна эмигрантов, страстно желавших хорошо «заработать» на революции, открыла мне глаза на истинный характер перелома.

После Февральской революции М. В. получил назначение на пост Управляющего Отдела Труда при Министерстве Торговли и Промышленности. Затем он стал товарищем министра финансов, а к моему приезду ему предложили пост министра финансов.

Вспоминаются мои встречи с М. В. в те дни, когда он колебался принять ли этот пост министра финансов. Его страшила вся та разруха, какую в то время переживала Россия. Он сомневался, что при создавшемся военно-политическом положении можно было создать какую-либо прочную финансовую и денежную систему. Особенно его удручала денежная инфляция, которая после Февральской революции бушевала в России как всеограшающий ураган.

Однако друзья М. В. уговорили его не отказываться от этого поста, чтобы сделать последнюю попытку остановить поток бумажно-денежного наводнения. Этим вопросом М. В. хотел лично заняться, поручив чисто финансовые вопросы своему товарищу-министру, нашему профессору Фридману. Нужно заметить, что в этот момент появился какой-то просвет в политическом настроении страны: после неудачного июльского выступления большевиков казалось, что народ опомнился и отказался слушать всякого рода демагогов.

В Новороссийске, в феврале 1919 г., накануне эвакуации Добровольческой Армии узнал от М. В., как он был арестован большевиками в Зимнем дворце, посажен в Петропавловскую крепость, но затем освобожден. Из Петрограда он пробрался на юг, где Деникин организовывал Добровольческую Армию и М. В. занял пост Начальника Управления Финансов при Управлении Вооруженными Силами Юга России.

В тот момент на Юге господствовала чрезвычайно тяжелая атмосфера. Добровольческая Армия потеряла веру в своего вождя и распалась. Тыл был заполнен дезертирами. У многих людей нервы не выдерживали и начались массовые самоубийства. Ночные кабаки были переполнены офицерами, заливавшими водкою свое горе и отчаяние. По городу шныряли всякого рода темные дельцы и спекулянты, скупавшие валюту и драгоценные вещи. Это моральное разложение коснулось и кадров правительства. Нужно было обладать особенно стойкими душевными качествами, чтобы устоять этой всеобщей панике. И здесь М. В. показал себя. Как никогда он проявил в этот момент свои непоколебимые нравственные качества и безукоризненную гражданскую честность. Он был полон какой-то твердой решимости продолжать борьбу до конца и не терял надежду на «чудо», на возрождение Добровольческой Армии. На себя он смотрел, как на обреченного человека. Конечно, его тревожило положение его семьи, но Ольга Владимировна не хотела его покидать.

М. В. был несказано обрадован приходом п. х. Витим (Добровольного флота), на котором был доставлен не только ценный груз чая, но также свыше миллиарда рублей «керенок», изъятых Колчаком из обращения в Сибири. В Управлении Финансами запас денег был истощен. Курс «колокольчиков» (бумажных денег Деникина) катастрофически упал. Напротив, «керенки» ценились сравнительно высоко.

В те дни одною из главных забот М. В. было создание фонда иностранной валюты для покупки, в первую очередь, угля, необходимого для эвакуации на пароходах армии и части населения. М. В. горячо поддерживал проект продажи груза чая п. х. Витим в Константинополе, чтобы на вырученные деньги купить турецкий уголь. Однако вокруг этого чая заматалась компания всякого рода дельцов, которые, увы, нашли довольно сильную поддержку в ли-

це одного довольно высокопоставленного члена правительства Деникина. Так эта операция была сорвана.

М. В. оставался на своем посту и при ген. Врангеле, который, очевидно, не мог найти более честного человека. Когда выяснилось безнадежное положение Добровольческой Армии, М. В. был командирован в Париж, чтобы мобилизовать все имевшиеся деньги у разных финансовых агентов при русских посольствах. В должный момент М. В. поручил Председателю Правления Добровольного флота адмиралу Князеву закупить первую партию угля в 25 000 тонн. Мне пришлось принять участие в выполнении этой операции (весьма трудной, так как вывоз угля из Англии был сильно ограничен и немногие пароходы соглашались идти в Крым) и я помню, как М. В. волновался и торопил отправку угля (к счастью этот уголь прибыл во время).

После падения Крыма М. В. продолжал работу по устройству эвакуации Добровольческой Армии и беженцев. Вслед за тем М. В. был назначен Председателем Финансового Совета при Совете Паслов. М. В. продолжал энергично собирать правительственные деньги и бережно хранил эту «казну». Сам он жил с семьей на минимальном жаловании, едва хватавшем на самую скромную жизнь. Когда у него опасно захворал сын и требовалось поместить его в клинику, то М. В. не попросил «пособия» у Русского Комитета: родственники и друзья помогли ему в этом несчастье. А сколько лет приходилось ему выносить жестокие атаки со стороны тех русских эмигрантов, которые требовали выдачи разного рода пособий и которым М. В. вынужден был отказывать ради общих интересов дела.

Нужно ли говорить, что ни одно русское национальное, политическое или культурное начинание не могло обойтись без деятельного в нем участия М. В. Не принадлежа к какой либо политической партии, М. В. мог свободно рассматривать все вопросы с точки зрения русских общенациональных интересов.

Естественно, что его больше всего интересовали экономические проблемы. Мне приходилось часто обсуждать с ним многие экономические и политические события, какими так сильно была насыщена жизнь мира в тридцатые годы и в период войны. На все эти события и особенно на известия из Сов. России М. В. горячо реагировал. Также внимательно он следил за развитием экономической науки и за появлением в ней новых школ и течений. Даже в последние месяцы своей жизни, уже истощенный быстро развивавшейся болезнью, М. В. начал составлять записки, в которых он стремился изложить свою точку зрения на проблемы денежного обращения. Между нами часто возникали оживленные споры, особенно по вопросу об «управляемом денежном обращении», по теориям новой денежной школы Кюенса, Робертсона и других английских и американских экономистов. М. В. был упорным противником этих новых теорий.

По просьбе М. В. я приносил ему все новые книги и другие печатные издания по вопросам теории и практики денежного обращения. Повидимому, если не теория, то практика новой экономической политики в странах Западного мира убедили М. В., что впредь нельзя будет обойтись без широкого и глубокого вмешательства государственной власти во многие области народного хозяйства. За две недели до смерти он мне признался в этом.

Если М. В. из скромного приват-доцента, а затем профессора поднялся до поста министра финансов и затем заведывал финансами всех анти-большевистских правительств, то он был этим обязан прежде всего своим личным качествам. Исторические события в России подняли многих общественных деятелей на высокие посты, но лишь немногим из них удалось удержаться на них. По свойствам своего характера М. В. не искал высоких назначений, но так всегда происходило, что его просили принять ту или иную ответственную работу и не покидать ее в дальнейшем.

Долголетнее пребывание среди нас, политехников, такого открытого и доброжелательного человека, как М. В., спаивало нас в одну дружную семью и, конечно, помогало нам легче переносить тяжелые годы эмиграции. В частности, мы многим обязаны М. В., как нашему несменяемому товарищу Председателя Объединения. М. В. всегда приезжал на наши юбилейные обеды-собрания, всегда умел найти подходящую тему для собеседования и, если обсуждение вопроса возбуждало горячие споры, он всегда так тактично и умело направлял эти прения, что последние не вызывали раздражения и горечи у инакомыслящих. Он безусловно держал наши собрания на уровне интересных и откровенных товарищеских бесед.

В свое время Наполеон гордился, что среди его маршалов был маршал Ней, по его словам «храбрейший из храбрых воинов». Мы, политехники, можем гордиться М. В., — из среды наших других славных профессоров выдвинулся на общественное поприще такой «честнейший из честных патриотов» России.